

к «Сиду». Как и в «Горации», «долг», разделяющий Родриго и Химену, — это тоже благородное честолюбие, несокрушимое чувство родовой чести, феодальная природа которого выступает здесь более обнаженно, чем в речах старого Горация. Это долг не перед другими, а перед самим собой. Верность этому долгу не противостоит в нравственном отношении любовной страсти, а мотивируется ею. Если Родриго должен был убить отца Химены, для того чтобы остаться достойным ее любви, то та же дилемма стоит и перед Хименой

Достойному меня долг повелел отомстить;
Достойная тебя должна тебя убить.³⁰

В неразрешимости именно этой дилеммы и лежит трагическая коллизия в «Сиде». Суть ее совсем не в борьбе чувства долга и не в победе долга над чувством, а в трагическом противоречии между двумя этически равноценными страстями, из которых ни одна не может быть удовлетворена, иначе как за счет другой. В этом отношении счастливая развязка не имеет в Сиде внутренней, вытекающей из самого действия страстей мотивировки. Вмешательство «случая» — нападение врагов и победа над ними Родриго — разрешает внутренне неразрешимую коллизия извне.

Несмотря на то, что вмешательство случая противоречило правилам классицистической трагедии, «Сид» и «Гораций» сыграли решающую роль в ее формировании, будучи новым типом трагедии, трагедии характера, шедшей на смену трагедии интриги. В основе их различия лежало различное понимание движущих сил человеческой судьбы. В трагедии интриги судьбы героев определялись трагическим и независимым от них стечением обстоятельств (роком), в трагедии характеров — самой логикой развития человеческих страстей. Корнель перенес трагическую коллизия из сферы обстоятельств в сферу страсти и тем самым заложил основу трагедии характеров. Но еще имеющее место у Корнеля вмешательство «случая» противоречило ее художественному заданию, суть которого состояла в раскрытии внутренней логики развития страсти, а тем самым и человеческой судьбы. С этой точки зрения трагедии Корнеля были менее «совершенны», чем трагедии Расина, в которых характер, страсть и судьба раскрываются в их неразрывном единстве, свободном от всего внешнего и случайного.

Кроме того, в процессе развития классицистической трагедии от Корнеля к Расину несколько изменялась и ее этическая

³⁰ Там же стр 41.